

Священник Владислав ЧЕРНЕЦ,
кандидат богословия

ПРАВОСЛАВИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ. ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В прямое и непосредственное соприкосновение славянский мир и Византия пришли в конце V — начале VI века, хотя, безусловно, это были не первые контакты между ними. Приблизительно к 519 году относится первый зафиксированный источниками военный конфликт Византии с антами. В первой половине VI века славяне начинают селиться в окрестностях Фессалоники¹. Во второй половине того же века славянские племена заселяют Пеллопоннес. «Еще и до сегодня (584 год.— *Авт.*),— свидетельствует Иоанн Эфесский,— они живут там без всякого страха»². По его словам, они стали богаты, приобрели много золота и серебра, целые табуны коней и научились сражаться лучше самих ромеев. Исидор Севильский пишет, что «на пятом году царствования императора Ираклия славяне отняли у ромеев Грецию...». Македония в источниках того времени именуется «Склавинией», а житие епископа Эйштадского Виллибальда (середина VIII века) называет юг Пеллопоннеса «Славянской землей»³. В 623 году славяне появляются на Крите, а в 642-м — в Южной Италии. В итоге славянские племена заселяют всю Северную, Среднюю и Южную Грецию. Об этом свидетельствуют селения с характерными славянскими названиями, а древние Микены переименовываються в Хрвати⁴. Анализируя сообщения о болгарском князе Куврате автора сказаний о чудесах святого Димитрия Солунского, патриарха Никифора и Иоанна,

епископа Никийского, Ф.И. Успенский делает вывод о том, что в Фессалониках систематически осуществлялась вербовка славян для колонизации свободных земель⁵.

Отношения славян с Византией сложились двояким образом. Те из них, кто поселился во внутренних районах Греции, подпав под обаяние византийской культуры и усвоив греческий язык, постепенно эллинизировались и стали греками. Этому способствовали открытый характер славян, особенности их этнического склада.

Христианизация славян началась сразу же после их поселения на территории империи. По-видимому, процесс христианизации славян наиболее активно шел в Македонии, в районе Солуни и в Малой Азии⁶. Именно здесь возникает своеобразный духовный и культурный феномен, характеризующийся взаимным проникновением и тесным взаимодействием двух элементов: греческого и славянского. Причем при всем желании невозможно найти тут в VIII–IX веках даже намек на этническую вражду. Двуязычие становится фактом бытового общения и культурной жизни. Недаром император Михаил III, по свидетельству жития святого Мефодия, заявлял: «Солоуныне вьси чисто словеньскы беседоуют»⁷. А поскольку не национальная, а религиозная принадлежность делала жителей империи ромеями, то славяне наряду с представителями других национальностей, входивших в состав Византии, становились друнгариями и стратигами, епископами, патриархами (Никита в VIII веке). Весьма характерно, что Паннонские жития ничего не говорят о национальности святых братьев. По-видимому, их составитель не придавал сколько-нибудь существенного значения этой столь обычной для житийной литературы детали, давая оценку великой миссии святых братьев прежде всего с общецерковных, вселенских позиций. Таким образом, в районе Солуни и в близлежащих от Константинополя малоазийских фемах

формировалась та греко-славянская духовная и интеллектуальная элита, которой суждено будет сыграть столь важную роль в просвещении славян.

Богослужение в областях Византии со славянским и греко-славянским населением, безусловно, велось на греческом языке. Тем не менее необходимо признать как факт, что проповеди там произносились по-славянски и некоторые молитвы были переведены на славянский язык. Эта практика имела в то время повсеместное распространение в Западной Европе⁸ и тем более соответствовала условиям Византии, где «трехъязычная» доктрина в богослужении никогда не признавалась. Следовательно, в недрах Византии в течение длительного времени, на протяжении, во всяком случае, двух столетий, проходила незаметная подспудная работа выработки славянского богословского и литературного языка, что создало необходимый лингвистический базис для перевода святыми братьями на славянский язык Священного Писания и богослужебной литературы.

В деле создания необходимых предпосылок для успешного совершения равноапостольными Кириллом и Мефодием их просветительской миссии необходимо особо отметить значение монастырей Вифинского Олимпа, интернациональная братия которых, состоящая в основном из греков и славян, подвигнутая Духом Святым, как одна семья, трудилась во славу Господа. Здесь совершал свой монашеский подвиг и святой Мефодий, будучи игуменом расположенного под Вифинским Олимпом монастыря Полихрон. Этот монастырь и эту гору имел в виду святой Кирилл, когда перед смертью просил Мефодия не оставлять ради нее великого дела просвещения славян: «Ты любиши гору вельми, то не мози горы ради оставити учения своего»⁹. Сюда хотел Мефодий увезти из Рима для погребения тело своего брата¹⁰.

Греко-славянская образованная среда и монашеский Олимп — вот два фактора, которые оказали глубокое воздействие на формирование взглядов святых Кирилла и Мефодия. Третий фактор, сыгравший исключительно важную роль в их судьбе, — Константинопольский патриарх Фотий.

Константин Философ был учеником патриарха Фотия, его научные и философские взгляды чрезвычайно близки, подмечает Анастасий Библиотекарь, называя Кирилла вернейшим другом Фотия¹¹. А миссия святых Кирилла и Мефодия вписывается в рамки вселенской церковной политики патриарха Фотия.

Мусульманство, восторжествовав на Востоке и в Африке, утверждается в Европе: в Испании и Южной Италии. Из бассейна Каспийского моря мусульманское влияние проникает в Хазарию, где вступает в противоборство с иудаизмом и христианством, и по Волге и ее притокам устремляется на север. Таким образом, противодействие мусульманскому натиску патриарх Фотий видит в христианизации языческих стран, граничивших с Византией. Ради этой великой цели патриарх Фотий идет на уступки Риму в жизненно важном для Византии болгарском вопросе.

Глобальные религиозно-политические концепции Фотия дают возможность лучше уяснить цели и задачи, которые стояли перед Константином Философом во время его поездки на арабский Восток и перед миссией святых братьев в Хазарии и в славянских странах. Поездки Фотия и Константина Философа к арабам были типичной для средневековой эпохи формой религиозных поединков, в которых с обеих сторон предпринимались попытки решить словом вероисповедные проблемы, которые тогда чаще всего решались на полях сражений.

Константин Философ прибыл в Хазарию не как представитель государственной власти, для обсуждения поли-

тических вопросов, а как «муж книжный»¹², как богослов и церковный деятель. Важную роль при организации миссии играл славянский аспект. Знанию Кириллом и Мефодием славянского языка придавалось очень большое значение. В одном из проложных житий святого Мефодия говорится, что Кирилл «оумоли брата своего Мефодия ити с собою яко сумеяше язык словеньск». Хазарская миссия Кирилла и Мефодия сыграла большую роль в христианизации славянских народов. Сквозь призму сообщения, приведенного в житии Кирилла, о крещении под воздействием проповеди святых братьев двухсот человек, отказавшихся «от мерзостей языческих и браков беззаконных»¹³, мы видим настоящий успех миссии — восстановление в стране веротерпимости по отношению к христианам, в стране, в которой прочные позиции занимали иудаизм и мусульманство.

Таким образом, провозглашение веротерпимости создавало благоприятные условия для распространения православного христианства не только в самой Хазарии, но и в зависимых от нее славянских землях. Оно неизбежно должно было отразиться на общерелигиозном климате на юге Восточной Европы. В своем письме, направленном через некоторое время после этого события епископу Босфорскому Антонию, патриарх Фотий выражает свою радость в связи с тем, что Понт Евксинский, ранее столь «негостеприимный» для христиан, становится не только «гостеприимным», но и «благочестивым»¹⁴.

Еще более важное значение для христианизации и распространения Православия среди славянских народов имела моравская миссия святых братьев. Она явилась результатом предварительных контактов и целеустремленных шагов со стороны патриарха Фотия. Создание центра духовного просвещения славян, переместившегося после кончины Мефодия из Великой Моравии в Болгарию,

изменило разом всю обстановку в славянском мире и в Европе в целом. Единая вера и единый богослужебный и литературный язык спаяли славян и дали им возможность с новой силой осознать свое единство. В рамках славянского мира возникли удивительно благоприятные условия для обмена идеями и духовными ценностями. Что касается перемещения духовного и культурного центра славянского мира в Болгарию, то это было исторически закономерно, потому что именно там он и должен был возникнуть с самого начала ввиду непосредственной близости Болгарии к Византии и ее племенной близости с населением Северной Греции. Вот почему такого поразительного расцвета достигла болгарская культура через какие-то три десятка лет после крещения страны. Это была славянская, болгарская культура, но вместе с тем это была культура православно-византийская, вселенская. То, что последняя заговорила на славянском языке, вошла в кровь и плоть славян и приняла на себя отпечаток их духовного облика, ни в коей мере не лишает ее вселенскости. Великий подвиг болгарского народа заключается в том, что он совершил этот исторический духовный синтез и сделал это достоянием всего славянства.

Хазарская и моравская миссии равноапостольных братьев имели выдающееся значение для судеб всех славян и Европы. К сожалению, многие славянские народы усилиями латинских проповедников и немецких императоров были отторгнуты от Греческой Церкви под власть римского папы, за исключением сербов и болгар.

Святые братья и их ученики дали славянам и Руси вселенское Православие со Священным Писанием и богослужебной литературой в таком совершенном переводе, что это было почти равносильно передаче им подлинника. Для этого потребовался весь опыт долгой предшествующей лингвистической работы в греко-славянской среде Визан-

тии и огромные знания Константина Философа как выдающегося ученого-филолога и богослова. Но у всех славян, несмотря на истекшие столетия, и до сих пор жива память о великих равноапостольных просветителях и той православной вере, которую они старались насадить среди них. Священная память святых Кирилла и Мефодия служит соединяющим звеном для всех славянских народов.

Таким образом, деятельность святых равноапостольных братьев представляла собой первый гигантский шаг в передаче славянам всей суммы знаний, накопленных Византией и полученных ею в наследство от античной цивилизации, в передаче ее исторического опыта, юридических и этических норм, духовных ценностей и художественных идеалов.

Примечания и библиографические ссылки

¹ *Тыткова-Заимова В.* Нападение «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI века // *Византийский временник*, XVI. 1959. С. 5.

² *Дьяконов А.П.* Известия Иоанна Эфесского в сирийских хрониках о славянах VI–VII вв. // *Вестник древней истории*. № 1. 1946. С. 20–34.

³ *Васильев А.А.* Славяне в Греции // *Византийский временник*, V. 1898. С. 415.

⁴ *Грегоровиус Ф.* История города Афин в Средние века. СПб., 1900. С. 57–58.

⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 1. СПб., 1913. С. 666.

⁶ *Дворник Ф.* Славяне, Византия и Рим в IX веке. Париж, 1926. С. 91–92, 102–103.

⁷ *Житие Мефодия*, V.

⁸ *Флоря Б.Н.* Славянская письменность и европейская культура раннего Средневековья. Советское славяноведение, 1985, 2.

⁹ *Житие Мефодия*, VII.

¹⁰ *Житие Кирилла*, XVIII.

¹¹ *Дворник Ф. Указ. Соч. С. 176.*

¹² *Житие Кирилла, IX.*

¹³ *Житие Кирилла, XI.*

¹⁴ *Патрология Миня. Т. 102. кол. 828.*